

К пониманию сущности власти басилеев в VIII в. до н.э.

Михаил Сычёв

К содержанию

Достаточно открыть любую песнь Гомера, чтобы понять: ахейцами руководят благородные вожди, в эллинском тексте именуемые бацилеями (βασιλῆες). Аэд так сильно подчёркивает их значимость и руководящую роль, что относительно последнего начинают закрадываться сомнения. Учёные давно уже высказывают разные предположения о роли и функциях бацилеев в общине.

Л.Г. Морган пишет о бацилеях фактически как о военных вождях с дополнением жреческих и судебных функций, утверждая несостоятельность перевода «цари» [14. с.140-141.].

Ф. Энгельс продолжает трактовать их как вождей племён на предцивилизационной стадии и приписывает им соответствующие функции, исходя из общей теории Л.Г. Моргана: военачальников, жрецов и судей. Избирались бацилеи членами одного рода, при этом народ либо определённым образом участвовал в выборах, либо утверждал результат [24. с.209-211].

П. Гиро и Эд. Мейер считали бацилеев жителями загородных домов, приезжавших в города только на народные собрания [6. с.122 прим.20].

С.Я. Лурье придерживался того же мнения, утверждая, что знать жила в замках [14. с.77].

Ю.В. Андреев, придерживаясь утверждения Пельмана, подчёркивает, наоборот, второстепенность загородных жилищ бацилеев. По его мнению, Гомер пишет именно о полисах, об общинах, а не о царствах, значит, считает власть бацилеев далёкой от абсолютной. Примером власти бацилея может служить Агамемнон. Исследователь подчёркивает небольшое его влияние на остальных предводителей похода, и, по мнению Ю.В. Андреева, основания для такой власти не ясны.

Кроме того, множественность бацилеев не могла способствовать, из-за соперничества, усилению их власти. Телемах говорит о бацилеях (во мн.ч.) Итаки, которые могут занять место Одиссея [Гомер «Одиссея» I, 394]; а также напоминает, что феаками управляла целая коллегия бацилеев [Гомер «Одис-

сея» VIII, 390-391] [5. с.8-12; 6. с.49, 55, 60, 63-64].

В.И. Кузищин делает упор на тех эпизодах гомеровского эпоса, в которых бацилеи заняты неподобающим царям (в классическом понимании слова) трудом. Автор особо подчёркивает недопустимость отождествления этих двух понятий. По его мнению, гомеровские бацилеи недалеко ушли от племенных вождей. Из этого логично вытекает неабсолютность их власти и отсутствие каких-либо специальных общественных институтов для её поддержания [8. с.73-78; 9. с.4-5; 10. с.5-6; 11. с.62-66].

А.И. Зайцев рассмотрел общество в целом и бацилеев в частности немного с другой стороны. Прежде всего, он последовательно доказывает, используя англоязычную терминологию, принадлежность эллинского общества к разряду “shame-culture” – «культура стыда», в то время как наше относится к разряду “guilt-culture” (в буквальном переводе, которого и придерживается учёный, — «культура вины», но точнее передаёт смысл перевод «культура совести»). Приводится весьма значительное количество примеров из разных периодов существования эллинской цивилизации, когда определяющую роль играло именно общественное порицание, а не угрызения совести [7. с.16-114]. К этому внушительному ряду можно добавить ещё один пример: Гесиод называет Молву богиней, настолько считает её важной [Hes. Erga 764].

Далее разворачивается аргументация в пользу соревновательного начала, лежавшего в основе всего эллинского мировоззрения, что сложилось в агональный дух; даже та из двух Эрид, которая в описании Гесиода полезна людям, — это Эрида соревнования [1]. Причём в Архаику агональный дух проявлялся, прежде всего, через атлетику, не несущую практической пользы (подготовки атлета и воина сильно различались), не приносящую материальной выгоды и сопряжённую с очень большой травмоопасностью. Занималась ею аристократия, получая в результате общественное признание. И только в период Классики агональный дух распространился во все слои общества, атлеты стали материально заинтере-

ресованными в победах, и аристократия быстро потеряла к оним победам интерес, проявляя агональный дух в освоенных ею в предыдущие века литературе и науке [7. с.114-150].

Таким образом, А.И. Зайцев считает аристократию анализируемого здесь периода носительницей агонального духа, который вскоре сыграет решающую роль в формировании феномена эллинской цивилизации.

Э.Д. Фролов рассматривает аристократию как носительницу древней, ещё микенской мудрости, которая постепенно, на протяжении Архаического периода, реализовывалась прежде всего в законодательстве [17. с.3; 18. с.25; 19. с.20; 21. с.62; 22. с.38; 23. с.9]. То есть аристократы VIII века до н.э. должны были уже обладать такой мудростью, но ещё не могли воплотить её в конкретные действия.

Получается, что Э.Д. Фролов считает мифологических (значит, микенских) героев действительными предками аристократических родов, а не приписанными к родословным задним числом.

В.П. Яйленко в первую очередь расширяет понятие «аристократия», понимая его шире басилеев, используя гесиодовское выражение ἐσθλοί [эстхлói] (хотя об аристократах вообще, а не только о басилеях, за несколько лет до него писал А.И. Зайцев). По мнению исследователя, аристократию изначально составляли либо все завоеватели, либо знать завоевателей. Однако всё время высока была социальная мобильность. Причём имущественное расслоение в рассматриваемый период было незначительным и осознание принадлежности к полису было гораздо сильнее социальных противоречий, так что ἐσθλοί того времени, по выражению учёного, являлись скорее «постоянно возникавшей фикцией».

Достигалось подобное положение в обществе нередко военными успехами; В.П. Яйленко обращает внимание на пассаж Тиртея: доблестный воин становится носителем справедливости (а ведь именно судебная функция со временем стала основной для басилеев). Власть таких людей (по выражению учёного – «монархия») предшествовала полису, была повсеместной и почти всюду была свергнута только к началу VII века до н.э. [25. с.39, 59, 99, 107-110] Х. Туманс неоднократно подчёркивает, что его работа посвящена идеалу, ставшему частью миропонимания эллинов, а не действительно имевшим место социальным условиям. Он повторяет тезис о множественности басилеев, потому что назывались так и просто выдающиеся люди, благодаря своим качествам вошедшие в совет старейшин [16. с.68-69]. Басилеями считались обладатели харизмы, то есть признаков избранности

богами. Харизма подтверждалась доблестью в битвах, мудростью в советах (по мнению учёногостику Терсита Одиссеем «невоинственный и бессильный, не значащий ни в боях, ни в советах» можно использовать в качестве образа героя от противного) и внешностью без изъянов. От общины обладатели харизмы получали почёт (τιμή [тимэ']), выраженный в лучшем месте на пирах и лучшем участке (τέμενος [тэ'мэнос]) [16. с.71-81.].

Теменос был не просто лучшим, но сакральным участком и в качестве символа власти басилея служил одним из признаков обожествления этой власти; о, характеристик носителям оной применены эпитеты богом рождённые (διογενεῖς [диогенэ'йс]), богом вскормленные (διοτρεφεῖς [диотрэфэ'йс]), богоподобные (θεοειδής [тхэоэйдэ'с]), божественные (δῖος [ди'ос], θεῖος [тхэ'йос]), однако, по мнению Х. Туманса, освещались только сама власть как таковая, а также нравственный закон, а не, к примеру, социальный порядок.

Социальная мобильность, исходя из идеала, была значительной, достигалось высокое положение подвигами. Ахилл спрашивает Энея, не обещали ли троянцы за победу над ним сыну Анхиза (то есть самому Энею) лучший надел, то есть верховную власть в обход рода Приама [Гомер «Илиада» XX,179-181]. По своей вымышленной истории Одиссей стал вторым басилеем на Крите только благодаря подвигам во главе дружины; в рассказе никто не усомнился, значит, это, наверняка, был не такой уж редкий случай. В то же время ни разу герои Гомера не говорят, что они басилеи, потому что богаты; богатство есть лишь следствие, но не причина высокого положения в обществе (в поэме Гесиода концепция другая, её Х. Туманс считает проявлением мещанского мировоззрения, противопоставленного аристократическому). В идеал басилея входят не только мудрые советы и воинская доблесть (areté), но и способность к достойному труду, земледелию (Одиссей на острове феаков преподносит такое умение как доблесть, хвастаясь ею); недостойной считается лишь торговля (см. ниже: стр. 51-52).

Одновременно Х. Туманс продолжает линию А.И. Зайцева, приводя, в свою очередь, доказательства в подтверждение принадлежности эллинского общества к разряду “shame-culture”. Он соглашается с важностью агональной стороны эллинского мировоззрения и пишет, что при резком сокращении количества войн в VIII в. до н.э. басилеи начали показывать наличие харизмы не через доблесть в битвах [2], а через атлетические победы.

Х. Туманс, из всех рассмотренных авторов, уделил характеристике басилеев наибольшее внимание. По его мнению, их власть сильно напоминала власть племенных вождей, к примеру в Полинезии статус определялся личными качествами, а не богатством, даже при наличии имущественного расслоения.

В обществе, по представлениям эллинов, с самого начала царило равенство, но вначале равенство «по достоинству» (в то время как при демократии появилось равенство «по количеству»), по принципу «лучшим – лучшая доля».

В таком обществе басилеи как харизматические вожди совмещали жреческие, судебные (коллективно с другими басилеями) и военные функции [16. с.63-67, 93-97, 119].

Этимологический словарь Фриска и Хофмана возводит слово βασιλεύς к микенскому πα-σι-ρευ [1]. В дальнейшем это положение не оспаривалось. Πα-σι-ρευ – обозначение руководителя «сельской» общины, дворцу были подчинены сразу многие такие общины [3. с.41; 4. с.15; 6. с.52; 16. с.66], что неудивительно при большой степени преемственности между микенскими и эллинскими цивилизациями (прежде всего в области мифологии [20. с.118], но не только).

При постепенно сложившейся в советской историографии традиции, цивилизованными у микенцев считаются дворцы, сельские же общины вокруг них – полупервобытными и мало пострадавшими от сокрушившей дворцовые институты силы [21. с.58-59], так что вполне логично сохранение должностей за главами таких общин. Занимали эти должности микенские роды, как считает Э.Д. Фролов, или пришлые, как считает В.П. Яйленко (см. выше), установить сложно.

Археология даёт нам некоторое представление о степени, по крайней мере, имущественного расслоения. Показательны раскопки у подножия Афинского акрополя. В конце XI-X вв. до н.э. (протогеометрический период) здесь были немногочисленные, все одинаково бедные захоронения. Однако налицо появление нового этнического элемента: микенская и субмикенская ингумация сменяется кремацией.

На протяжении всего X века до н.э. постепенно увеличивается разнообразие керамики (чаши, амфоры, кувшины, чашки, тарелочки); появляются украшения (бронзовые фибулы и золотые спиральки) и статуэтки (глиняные и бронзовые).

К концу X века до н.э. могилы разделяются на снабжённые более чем десятком различных

изделий и на не снабжённые ими вовсе. С конца X века до н.э. и до конца рассматриваемого периода разрыв между богатыми и бедными могилами растёт, вторых наблюдается гораздо больше. Увеличивается разнообразие бронзовых изделий (к фибулам теперь добавляются булавы, пряжки, чаши, котлы) и количество серебряных и золотых (хотя их всё ещё мало). Примерно с середины X века до н.э. из погребений довольно быстро исчезает оружие [12. с.204-206, 212-214]. В одном из захоронений VIII века до н.э. Афинского раскопа найдены огромные, богато расписанные дипилонские вазы [21. с.69].

В целом, захоронения свидетельствуют о наличии в VIII веке до н.э. имущественного расслоения (а также об уменьшении степени воинственности общества). В.П. Яйленко пишет о незначительности этого расслоения: раскопки даже слоёв VII-VI вв. до н.э. в Сибарисе, роскошь жителей которого вошла в поговорку, дали лишь одну вещь из драгоценных металлов [25. с.101]. Однако раскопки в Афинах на основе массового материала, а не только знаменитых дипилонских ваз, показывают присутствие расслоения населения, хотя, конечно, не столь значительного [3].

С другой стороны, раскопанные жилища эллинов дают противоположную картину. Поселения VIII века до н.э. состоят из однотипных небольших и бедных глинобитных домиков. Немногочисленные каменные здания во многих случаях, а, скорее всего, и вообще во всех были общественными (об этом см. статью в №2 [15. с.34-37]). К аргументам статьи предыдущего номера можно добавить и отсутствие промежуточных форм: между однокомнатной хибарой из глины и огромным зданием из камня слишком большой разрыв; если бы вторые постройки принадлежали отдельным семьям, а не всей общине, должны были быть и близкие к этим семьям люди (те же распорядители строек), дома которых, соответственно, не так сильно, но выделялись бы из остальной застройки.

В принципе, всё найденное в захоронениях может уместиться в вышеописанный домик. Жилища, будучи одинаковыми по размерам и технологии постройки, могли, на самом деле, сильно различаться по внутреннему убранству. Можно вспомнить идеал басилея (о котором пишет Х. Туманс), предполагавший выделение лидеров общины отнюдь не за счёт богатства. Действительно, в Спарте отсутствие имущественного расслоения стало основой всей политической системы, однако власть басилеев существовала и была непререкаемой [Плутарх «Ликург» IX].

Также обращает на себя внимание материал X века до н.э. Тогда даже в погребениях не видно никакого имущественного расслоения. Значит, следует либо признать, что басилеи могли быть басилеями, никак не выделяясь по богатству, либо предположить, что басилеи на время исчезали из социальной структуры, а потом этот институт возник снова, когда сложились соответствующие условия. Признав вторую версию, придётся отказаться от идей как Э.Д. Фролова (аристократические роды были прямыми потомками микенской знати и носителями древней мудрости), так и В.П. Яйленко (архаические басилеи были преемниками (из-за социальной мобильности редко прямыми потомками) знати завоевателей). Для признания первой версии необходимо не только в корне отказаться от формационного подхода, но и попросту иметь больше доказательств.

В случае исчезновения института басилеев его возобновление могло стать заимствованием с Кипра. Там имущественное расслоение не прекращалось, хоть и ослабло. Знать даже строила себе гробницы, наподобие микенских, естественно, гораздо беднее последних. На острове найдено несколько скипетров, датированных разными веками: от крушения Микенской цивилизации до Архаического периода эллинской [12. с.209-210] (фигурирующих у Гомера символов власти басилеев).

Ещё один источник – сам эпос. В VIII веке до н.э. кремация в погребениях резко заменяется ингумацией. Обычно говорят о возврате к микенским традициям, только Я.А. Ленцман видит в этом проявление сведений, столетиями хранящихся в народных недрах каким-то непостижимым образом, а Х. Туманс – сознательное подражание эпосу (несмотря на бесповоротное наступление железного века, в этих захоронениях встречается бронзовое оружие, некоторые браслеты делались с явным подражанием микенским и т.д.) [16. с.115-116; 12. с.213-214]. Единственное, что настораживает в последнем предположении, что в «Илиаде» изображена как раз кремация [Гомер «Илиада» XXIII,161-257; XXIV,784-804]. Можно признать влияние и эпоса, и культуры Кипра на возобновление института басилеев. Но тогда остаётся вопрос, почему эллины называли своего правителя не ἄναξ [ἀнакс] (от микенского ωα- ναξ), а βασιλεύς (от микенского πα- σι- ρευ), хотя ωα- ναξ стоял несравнимо выше, чем πα- σι- ρευ, и вожди похода на Троаду (если таковой действительно имел место) должны были носить именно первый титул. Причём у Гомера одни и те же герои встречаются под обоими наименованиями [2. L.17; 16 с.134], а у Гесиода и последующих

авторов остаётся только привычный нам басилей.

Возникшие противоречия можно объяснить следующей последовательностью событий: после крушения микенского мира власть в руки берут главы местных общин (πα- σι- ρευ) и либо сохраняют её внутри своих родов, либо её перехватывают знатные воины пришельцев, а то и просто удачливые люди, не важно, из какого этноса, но с сохранением титула; древний титул ωα- ναξ одно время пытаются возродить вместе со всем наследием славной (микенской) старины, но безуспешно.

Причём сквозь века могло пройти только само слово с соответствующими видоизменениями, атрибуты были частично возрождены впоследствии благодаря тому же эпосу. Видимо, такая золотая середина и является самой логичной, но при этом по-прежнему чисто умозрительной позицией.

У Гесиода, если брать его текст отдельно от остальных источников, вырисовывается следующая картина. Полностью исчезает слово ἄναξ, поэтому из шести раз употребления слова βασιλεύς два относятся к богам: Крону [Гесиод «Труды и дни» 111] и Зевсу [Гесиод «Труды и дни» 668]. Гомер описывает не то что бы неповиновение богам, а нападения, причём успешные нападения смертных на Олимпийцев [Гомер «Илиада» V, 381-404]. Гесиод же всячески подчёркивает всемогущество Зевса [Hes. Erga 5-8] (см. прил.). Процитированы здесь строки, чтобы показать, какое существо именуется (в др. месте) βασιλεύς. Земные басилеи в «Трудах и днях» тоже всевластны. Гесиод много пишет о необходимости властителям судить справедливо, но может только грозить карой богов, да показывать идиллическую картину жизни при праведном суде и полную бедствий – при неправедном [Гесиод «Труды и дни» 220-264]; сами люди не могут сопротивляться. Недаром столькими авторами столь охотно в этой связи цитируется басня о ястребе и соловье [Гесиод «Труды и дни» 202-212].

Также необходимо отметить, что Гесиод ничего не пишет о военных функциях или доблестях басилеев. В описанном в «Трудах и днях» обществе это исключительно судьи. В.П. Яйленко попытался проследить схему судопроизводства. Исходя из его выводов, басилеи могли решить, принимать ли дело к рассмотрению [Гесиод «Труды и дни» 39]. Суды проходили с активным использованием клятв сторон и свидетелей [Гесиод «Труды и дни» 282] по нормам обычного права [Гесиод «Труды и дни» 248] [25. с.53-54].

Всё это создаёт впечатление чётко устоявшейся и регламентированной схемы. Пожалуй,

лучше обратиться к Гомеру, описавшему сцену суда (изображённую среди прочих на щите Ахиллеса). Здесь видно, как конфликт разгорелся среди толпы, а к базилям народ пришёл с оформившейся уже тяжбой; выносят окончательный приговор и здесь базилией [Гомер «Илиада» XVIII, 497-508]. Из этой стройной картины выбивается только строка 29 «Трудов и дней» (см. прил.). То есть за излишнее пристрастие к судебным тяжбам Перса может наказать община. В совокупности с пассажем о царях-дворянцах мысль поэта можно понять следующим образом. Предыдущая тяжба, благодаря взятке, была решена в пользу Перса, но «собрание» видит истину и, если несправедливости будут продолжаться — примет меры. Значит, судили обычно базилией, но народное собрание в редких чётко не регламентированных случаях могло вмешиваться.

Эта модель не может считаться полностью достоверной, так как доказывается через отнюдь не бесспорную трактовку фактически одной строки. Однако она хорошо согласуется с вышеописанным состоянием общества, когда у всех жителей от базилией до самого последнего бедняка глинобитные хижины. Признавая своих лидеров мудрыми, община обычно следует их указаниям, поэтому, в случае их

неправильных действий, вся община и страдает. Но в редких случаях община может воспротивиться действиям лидеров, если последние слишком уж явно несут вред. В то же время отдельному человеку спорить с лидером небезопасно: в противоборстве большинство станет на сторону того, чей авторитет привыкло чтить, то есть лидера, да и богатства у последнего всё же больше, нежели у каждого из общинников в отдельности.

Из вышесказанного можно сделать следующий вывод. На основании этимологии можно предположить преемственность власти базилеев от микенских времён до рассматриваемого VIII в. до н.э., значит существование таковой во времена отсутствия всякой имущественной дифференциации. На основании свидетельств Гесиода подтверждаются судебные их полномочия, а также ответственность перед богами за судьбу всей общины, значит, общее управление таковой. Жреческие и военные функции подтверждаются только текстом Гомера. Однако на основании песни II «Одиссеи» Гомера и ст. 29 «Трудов и дней» Гесиода можно говорить о равных с базилями, по крайней мере формально, полномочиях народного собрания (ἀγορά) в судебной и административной сферах.

Примечания:

[1] Гесиодом здесь [Hes. Erga 23] употреблено слово ζῆλος [дзэ'лос]. Интересно, что в «Теогонии» это слово стало именем богини, которая вместе с Никой (богиней победы) была рождена Паллантом и Океанидой Стиксом [Hes. Theog 383-385].

[2] Но были и попытки сохранить старый порядок. Таковой Туманс Х. считает Лелантскую войну. Именно стремление показать свою харизматичность приводило на войну между двумя полисами на Эвбее, не самыми значительными в Элладе, аристократов даже из весьма удалённых областей; этим же стремлением к подвигам, а не непосредственно к победе, объясняется договорённость о неиспользовании метательного оружия. Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии от Гомера до Перикла (VIII-V вв. до н.э.) — СПб., 2002 — с.121-125.

[3] К этому же ряду свидетельств имущественного расслоения обычно относят, как самый яркий пример, гробницу в Лефканди (о. Эвбея). Но Х. Туманс пишет, что именно исключительность этого примера и не даёт воспринимать его как часть тенденции. По мнению учёного, разгадка может таиться в особенном богатстве активно торговавшей с Востоком Эвбеи, или, скорее, причиной мог стать личный авторитет конкретного выдающегося человека, не имеющего ничего общего со статусом базилеев как таковых. Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса — Л., 1988. — с.69-70; Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии от Гомера до Перикла (VIII-V вв. до н.э.) — СПб., 2002 — с.40-41.

[4] Текстовая форма связана с начальной предположительно следующей цепочкой преобразований: ἀγήνορα (nom. II m. Ac pl.) ἀγήνορος (nom. II m. N sg.) ἀγήνορος (adjec. I-II) ἀγήνορία (nom. II f.); потому у существительного изначально первого склонения появляется окончание второго.

Текстовая форма	Грамматические категории	Начальная форма	Возможный перевод
5			
ἔα	interj.	ἔα	Эа,
μέν	частица	μέν	так
γάρ	частица	γάρ	вот
βριάει,	verb. I praes. indic. activ. 3 sg.	βριάω	делает сильным,
ἔα	interj.	ἔα	эа,
δὲ	частица	δέ	и напротив
βριάοντα	verb. I praes. indic. medii. 3 pl.	βριάω	сделавшихся сильными
χαλέπτει,	verb. I praes. indic. activ. 3 sg.	χαλέπτω	сокрушает,
6			
εἶα	interj.	εἶα	эйа
δ'	частица	δέ	так
ἀρίζηλον	nom. II m. Ac sg.	ἀρίζηλος	достопавного
μινύθει	verb. I praes. indic. activ. 3 sg.	μινύθω	уничтожает
καὶ	conj.	καί	и
ἄδηλον	nom. II m. Ac sg.	ἄδηλος	безвестного
ἀέξει,	verb. I praes. indic. activ. 3 sg.	ἀέξω	возвеличивает
7			
εἶα	interj.	εἶα	эйа
δέ	частица	δέ	так
τ'	частица	τέ	же
ἰθύνει	verb. I praes. indic. activ. 3 sg.	ἰθύνω	карает
σκολιόν	nom. II m. Ac sg.	σκολιός	неправедного
καὶ	частица	καί	и
ἀγήνορα	nom. II m. Ac pl.	ἀγηνορία [4]	отважных
κάρφει	verb. I praes. indic. activ. 3 sg.	κάρφω	смиряет
8			
Ζεὺς	nom. II m. N sg.	Ζεὺς	Зевс
ὑψιβρεμέτης	adjec. III 1 m. N sg.	ὑψιβρεμέτης	в вышине гремящий
ὃς	pronom. relat.	ὃς	который
ὑπέριστα	adjec. I-II superl. n. V pl.	ὑπέρ	в высочайших
δῶματα	Nom. II m. V pl.	δωμάτιον	чертогах
ναίει.	verb. I praes. indic. activ. 3 sg.	ναίω	обитает
Вересаев:	«Силу бессильному дать и в ничтожество сильного ввергнуть, Счастье отнять у счастливаца, безвестного вдруг возвеличить, Выпрямить сгорбленный стан или спину надменному сгорбить — Очень легко громовержцу Крониду, живущему в вышних».		
27			
ᾠ	interj.	ᾠ	О,
Πέρση	nom. I m. N sg.	Πέρση	Перс,
σύ	pronom. person. 2 N sg.	ἐγώ	ты
δὲ	частица	δέ	вот
ταῦτα	adv.	ταῦτα	поэтому
τεῶ	pronom. poss. эп-ион. D sg.	σός	твоё
ἐνικάτθεο	verb. II praes. imper. activ. 2 sg.	ἐνικατίθημι	обдумывай
θυμῶ	nom. I m. D sg.	θυμός	стремление
28			
μηδέ	союз. отриц.	μηδέ	и
σ'	pronom. person. 2 A sg.	ἐγώ	тебе
Ἔρις	nom. III f. N sg.	Ἔρις	Эрида

κακόχαρτος	adjes. I-II m. N sg.	κακόχαρτος	плохожелательная
ἀπ'	предлог	ἀπό	для
ἔργου	nom. II n. G sg.	ἔργον	труда
θυμόν	nom. III m. A sg.	θυμός	стремление
ἐρύκοι	verb. I praes. optat. activ. 3 sg.	ἐρύκω	не обузда
29			
νείκε' [']	verb. I praes. infin. activ.	νείκεω	обвинять:
ὀπιτεύοντ'	verb. I praes. indic. medii. 3 pl.	ὀπιτεύω	высматривается
ἀγορῆς	nom	ἀγορά	собранием
ἐλακούδον	adjes. I-II n. N pl.	ἐλακούδος	внемлющее истина
ἔοντα.	nom. III n. N sg.	ὄν	сущее
Вересаев:	«Перс! Глубоко себе в душу вложи, что тебе говорю я: Не поддавайся Эриде злорадной, душою от дела Не отвращайся, беги словопрений судебных и тяжб».		

Литература:

1. Frisk H. Griechisches Etymologisches Wörterbuch — Heidelberg, 1960.
2. Vandiver E. Classical Mythology; 24 lectures [Интернет ресурс: <http://www.teach12.com/teach12.aspx?ai=30315&WT.srch=1>].
3. Андреев Ю.В. Дворец и «город» на Крите во II тысячелетии до н.э. // Современная археология — 1988 № 4 — с.37-51.
4. Андреев Ю.В. К проблеме послемикенского регресса // Вестник древней истории — 1985 № 3 — с.9-29.
5. Андреев Ю.В. Начальные этапы становления греческого полиса // Город и государство в древних обществах [сб. статей] — Л., 1982 — с.3-17.
6. Андреев Ю.В. Раннегреческий полис — Л., 1976.
7. Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII-V вв. до н.э. — СПб., 2000.
8. История Древней Греции / под ред. В.И. Кузищина [уч. пособие] — М., 1996 — с.3-10.
9. Кузищин В.И. Некоторые проблемы древней истории в свете ленинских идей // Вестник древней истории — 1980 №2 — с.4-5.
10. Кузищин В.И. 70-летие Великого Октября и задачи современного антиковедения // Вестник древней истории — 1987 №4 — с.3-14.
11. Кузищин В.И., Штаерман Е.И. Проблемы классовой структуры и классовой борьбы в современной историографии античности // Вопросы истории — 1986 №10 — с.61-77.
12. Ленцман Я.А. Рабство в микенской и гомеровской Греции — М., 1963.
13. Лурье С.Я. История Греции: в 2 ч. — Л., 1940.
14. Морган Л.Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации — Л., 1935.
15. Сычев М.В. Можно ли считать эллинскую общину VIII в. до н.э. полисом? // Scriptorium — 2009 №2 — с.32-40.
16. Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии от Гомера до Перикла (VIII-V вв. до н.э.) — СПб., 2002.
17. Фролов Э.Д. Античная демократия (к оценке исторического феномена) // Вестник СПбГУ — 1993 сер. 2 вып. 1 — с.3-11.

18. Фролов Э.Д. Новейшие концепции рождения греческого полиса // Критика концепций современной буржуазной историографии: отечественная и зарубежная история [сб. статей] — Л., 1987 — с.23-48.
19. Фролов Э.Д. Рационализм и политика в архаической Греции // Город и государство в древних обществах [сб. статей] — Л., 1982. — с.17-34.
20. Фролов Э.Д. Религия и атеизм в античном мире // Вопросы научного атеизма — 1976 вып.20 — с.116-128.
21. Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса — Л., 1988.
22. Фролов Э.Д. Социальная революция, тирания и демократия в античной Греции // Вестник ЛГУ — 1990 сер.2 вып.2 — с.33-41.
23. Фролов Э.Д. Социальная революция: тирания и демократия в античном мире // Социальная борьба и политическая идеология в античном мире [сб. статей] — Л., 1989 — с.4-15.
24. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства — М., 1989.
25. Яйленко В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток — М., 1990.